

УДК 32:001.8

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: МОРФОЛОГИЯ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

К. Ф. Завершинский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Обсуждается значение концепта «политическая легитимация» для анализа политической власти и теоретических и прикладных исследований современных политических коммуникаций. Опираясь на историю методологических и теоретических дискуссий в области политологии, автор рассматривает методологические вопросы изучения морфологии дискурса политической легитимации как символической репрезентации социокультурной специфики временных аспектов современных политических коммуникаций. Автор подчеркивает важность описания и теоретического анализа роли политической легитимации и символов, присутствующих в политической коммуникации современных обществ. Отмечает, что анализ политической легитимации в качестве символического механизма (как источника воспроизведения различий при разграничении властных решений) тесно связан с символическими практиками принуждения и выдвигает на первый план роль легитимации в модификации процессов политической коммуникации. Автор утверждает, что акцент на политической легитимации как конкретно-исторической форме политической памяти позволяет исследовать различия в моделях политической власти, внутри структур и практик политической коммуникации. Использование морфологически-ориентированного политического анализа в качестве методологической основы, как полагает автор, позволяет обозначить новые теоретические подходы к изучению современной политической легитимации и содействует разработке новых стратегий исследований политической коммуникации в социологии и политологии.

Ключевые слова: политическая власть, морфологические измерения, политический дискурс, политическая легитимация, политическая память, политические коммуникации, символические репрезентации

Легитимность — не глазурь на пироге власти, которая существенно не может повлиять на его качество, поскольку привносится после его выпечки. Легитимность подобна дрожжам, которые должны присутствовать в тесте, без чего оно не может стать пирогом (Beetam D. The Legitimation of Power)

Проблема легитимации возникает только тогда, когда становится неизбежной необходимость выбора из диапазона возможных решений, что является очевидным свидетельством нарастания непредсказуемости властных коммуникаций (Luhmann N. Law As a Social System)

Актуальность обращения к проблеме морфологии научного дискурса политической легитимации властных коммуникаций, исследования его базовых се-

мантических структур и символической среды воспроизводства при растущей нестабильности, непредсказуемости политического порядка и умножении теоретико-методологических и идеологических способов обоснования политических решений представляется автору статьи очевидной. В реалиях современных властных коммуникаций дефицит политической легитимности испытывают не только политические элиты стран, номинируемые «авторитарными», но и те, которые идентифицируют себя представителями «развитых демократий». Можно согласиться с метафорическим замечанием одного из современных исследователей феномена политической легитимности, который, отмечая нарастание «путаницы», отсутствие научного консенсуса в теоретической трактовке феномена «легитимность власти» и связанных с этим понятий, констатировал, что беспорядок в мире не может не порождать «расстройство мыслей» у исследователей (Morris, 2008, p. 15).

Весьма проблематичными видятся и перспективы описания процесса легитимации практик демократического управления в современном обществе, отсылающие к ценностно-нормативным основаниям легитимности или эффективности технологий легитимации. Исследователи все чаще констатируют, что, несмотря на очевидность роли политической легитимации в интеграции комплексных обществ, потребность в «удовлетворительных» объяснениях того, как возникает, «усиливается» легитимность демократических процедур и почему она ослабевает или «исчезает», только возрастает (Bekkers, Edwards, 2007, p. 37; см.: Гуторов, 2014б).

Статья не ставит задачу пространного обзора существующих подходов в исследовании феномена легитимности власти. Обозначенная выше проблемность исследования феномена политической легитимности в реалиях современных коммуникаций, на наш взгляд, побуждает выйти за рамки некоторых устойчивых теоретических установок в интерпретации *смысловых границ* феномена легитимности, которые прослеживаются в научных дискуссиях об основаниях, формах и способах концептуализации политической легитимности и легитимации политического порядка. Статья нацелена на *выявление морфологии научного дискурса политической легитимации, семантической основой которого являются когнитивные структуры, символические схемы процесса теоретического описания практик обоснования политического принуждения и символические «фигуры» политических событий, в которых эти структуры репрезентируются.*

Значимость подобного рода исследований, как уже отмечалось, обусловлена усложнением процесса принятия политических решений, проблемностью их практической реализации и возрастанием активности политических акторов по их символическому обоснованию и оправданию. Реальность и действительность современных властных коммуникаций актуализирует методологическую ремарку Н. Лумана о том, что *концепт легитимности как способ описания властных коммуникаций не является понятием с «известными значениями», что в очередной раз возвращает нас к проблеме политико-культурных оснований подобной концептуализации.* Семантика процесса политической легитимации и способы его символической репрезентации отражают историческую эволюцию политических коммуникаций, когда обоснование практик государственного

принуждения начинает осуществляться посредством различения «легитимных» и «нелегитимных» видов, а не благодаря распространенным интерпретациям легитимности как результата некоего «социального договора» и творчества «законодателей» и политических элит. Эта смысловая дифференциация характеризует насилие власти посредством семантики «включения исключения», позволяющей обосновать возникающие практики государственного принуждения как преодоление «нелегитимного насилия» (Луман, 2005, с. 23).

Легитимность в таком случае оказывается не столько важным индикатором стабильности и эффективности политического порядка, а вариативной переменной *процесса политической легитимации*, «связью контингенций внутри властной сферы», обоснованием выбора политических решений в условиях непредсказуемости политических ожиданий участников коммуникации, отсутствия устойчивой детерминированности их поведения (Луман, 2001, с. 109). Таким образом, акцент в исследовании феномена легитимности власти смещается не столько на поиски его ценностно-нормативных оснований и объектов политической легитимации, обуславливающих возникновение политических идентичностей, а на *символическое структурирование границ политических коммуникаций* на основе эволюции дискурса «включения исключения» насилия и его трансформации в *дискурс политической легитимации* как различения «легитимного» и «нелегитимного» принуждения, символическим производным которого и является собственно политическая легитимность. Не определившись по вопросу эволюции базовых семантических «фигураций» дискурса *политическая легитимация*, можно попасть в «капкан» концептуальных натяжек, редуцируя исследования политической легитимации и легитимности к некой частной теоретической доминанте или методологической эклектике, попадая в зависимость от предметной области той или иной науки или субдисциплины, в рамках которой ведется изучение процесса легитимации властных коммуникаций.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ И ЛЕГИТИМАЦИИ

Дискуссии о методологическом потенциале дискурса *политическая легитимация* достаточно регулярно возникают в предметной области политологических исследований. Подобные теоретические дебаты весьма часто констатируют, что этот академический дискурс, как правило, отображает, интерпретирует процесс возникновения (эрозии или разрушения) ценностно-нормативной «обоснованности», «оправданности» и «согласованности» социально-политических взаимодействий политических акторов. Фокусом многих научных работ, обсуждающих эпистемологию этого дискурса, выступают различия *нормативного, ценностного* понятия *политической легитимности* и *дескриптивных, «позитивных», «реалистических»* толкований — в терминологии разных авторов (см.: Hardin, 2007; Beetham, 1991). В первом случае трактовки легитимности/нелегитимности политической власти отталкиваются от неких эталонов, образцов, принципов политической власти или институционального устройства, когда практики использования властного потенциала государственных институтов, правительства или

политических организаций, сообществ сверяются с обладанием/необладанием ими неким «должным» символическим капиталом, позволяющим характеризовать их деятельность как «обоснованную» или «оправданную». Радикальные версии подобной эпистемологии связывают легитимность с моральным обоснованием, «справедливостью» властных решений, обеспечивающих добровольное согласие с ними, или даже с моральным правом политических акторов на политические действия, выходящие за рамки существующей легальности.

Другой подход акцентирует процессуальную сторону процесса политической легитимации, подчеркивая, что не следует отождествлять легитимность с интеллектуальными или моральными качествами политических элит или акторов, поскольку легитимность необходима для того, чтобы политические институты обладали полномочиями выполнять эффективно управленческие функции, а базовым основанием легитимности выступает право на выработку и реализацию политических решений в целях соблюдения законов как внутри государства, так и в международных отношениях. «Базовая» легитимность государства проявляется в его способности «на существование и власть», без чего невозможно существование более сложных, комплексных форм легитимации, включающих нормативные способы обоснования политического порядка (см.: Morris, 2008; Гуторов, 2014а). Вместе с тем несложно заметить, что при интерпретации оснований политической легитимации и легитимности подобное различие носит достаточно условный характер, особенно когда обсуждаются конкретно-исторические практики политической легитимации или проблема легитимности отдельных государственных институтов.

Фиксируя различие между «ценностно-нормативным» и «описательным» понятием легитимности, исследователи весьма часто претендуют на «методологический синтез» этих подходов. Показательна в этом отношении обстоятельная монография Д. Битема с критическим анализом нормативности юридических интерпретаций оснований легитимности, которая, по мнению автора, отождествляется с правовой действительностью и анализом ограничений политико-философской рефлексии (когда легитимность власти обосновывается посредством отсылок к ценностям и принципам, претендующим на универсальность). При этом исследователь делает вывод, что научный, социологический и политологический анализ феномена властной легитимации должен преодолевать абстрактность, субъективность и антиисторизм нормативного подхода, но вместе с тем включать и «сумму нормативных и моральных аспектов». При этом он стремится выйти за рамки социологических моделей концептуализации феномена легитимности М. Вебера, подчеркивая, что немецкий социолог подменил анализ оснований легитимности вопросом о «вере в легитимность» и сравнительным анализом подобных верований. М. Вебер, как полагает Д. Битем, ориентирует исследователей в своих исканиях не столько на изучение реальных оснований легитимности, сколько на исследование отношений между легитимностью и верой в нее, «поощряя плохую социологию» или же, как это определяет авторитетный британский исследователь, претендуя на методологический синтез (см.: Beetham, 1991, p. 15–35).

Соглашаясь в целом с посылкой Д. Битема о многомерном, качественно многоуровневом характере процесса политической легитимации, следует заметить: делая акцент на послышке, что «властные отношения легитимны не потому, что люди верят в их легитимность, но потому, что они могут быть *оправданы* в терминах их верований», он, на наш взгляд, эпистемологически не выходит за рамки методологических интенций, обозначившихся под влиянием творческого наследия М. Вебера и его талантливых интерпретаторов¹. Исследовательская программа М. Вебера, нацеленная на «идеал-типическую» концептуализацию феномена легитимности для выявления специфики отношений господства, на изучение политических верований, ожиданий социальных акторов, рассматриваемых как важный элемент описания влияния культурных факторов властных отношений, весьма часто критически дорабатывалась на предмет ее научной эвристики. При этом критические импульсы в адрес немецкого социолога за абстрактность его типологизаций легитимности исходят как со стороны позитивистски ориентированной политологии, так и от тяготеющих к конструктивистской парадигме политико-культурных исследований, не отрицающих значимости символических составляющих политического процесса.

Сам Д. Битем, в сущности, не столько радикально преодолевает, сколько уточняет (вводя дополнительные переменные) ценностно-нормативные параметры процесса «обоснованности», «оправданности» и «согласованности» социально-политических взаимодействий политических акторов. В терминологии автора параметры легитимации власти (*legal validity, justifiable of rules, expressed consent*) можно представить в виде трехуровневой модели, в которой легитимность измеряется «совместимостью» («согласованностью») представлений участников властных взаимодействий о значимости правил и норм, принятых в том или ином сообществе, как формальных (норм закона), так и неформальных (соответствие правил доминирующим верованиям, ценностям, принципам), и подтверждается действенными «свидетельствами» (поведением) подобного согласия. Совершенно обоснованно рассматривая изучение легитимности в качестве одного из центральных вопросов обществоведения, выступая за синтез нормативного и дескриптивного подхода, Д. Битем все же остается в рамках нормативной стратегии трактовки природы легитимации, не говоря уж о том, что акцентированные им аспекты так или иначе можно обнаружить и в работах М. Вебера (см., напр.: Гуторов, 2012а). Симптоматично, что, критикуя универсалистские модели легитимации власти, социологи и политологи нередко не учитывают историческую вариативность практик обоснования власти, номинируемых легитимными, семантически размывая предметное содержание этого концепта.

¹ Бесспорны в этом отношении заслуги Д. Истона, С. М. Липсета, Ю. Хабермаса, Т. Парсонса, которые творчески развивали веберовские идеи, определяя легитимность как качественную характеристику властных отношений, связанную с поддержанием убежденности граждан в то, что существующие политические институты и отношения соответствуют или должны соответствовать данному обществу и ценностно-нормативной динамике эволюции политических коммуникаций и публичной сферы.

Не подвергая сомнению возможность и необходимость нормативных или дескриптивных стратегий исследования легитимизирующей роли «социальных верований» и механизмов их воздействия на процесс становления политического порядка, следует все же признать наиболее перспективной эпистемологию коммуникативного подхода, в рамках которого политическую легитимность можно представить как специфический способ символического кодирования и программирования политической власти. Принимая посылки о значимости исследования ценностно-нормативной или инструментальной составляющей процесса политической легитимации, нельзя редуцировать ее смысл к практикам обоснования «согласия» и конструирования устойчивых политических идентичностей. Легитимность возникает в процессе стремления политических акторов к устойчивости властных коммуникаций, но она всегда предполагает потенциал делегитимации. Это наиболее очевидно при усложнении процедур легитимации власти, характерных для демократических практик, когда за декларацией политического единства всегда следуют отсылки к естественной конфликтности как источнику роста и социальной эволюции.

Отдавая должное логической аргументации классических исследований политической легитимации, автор статьи полагает, что существующие ценностно-когнитивные модели политической легитимации затеяют суть проблемы, оставляя открытыми ответы на ряд вопросов. Что скрывается за этой постоянной и не всегда методологически продуктивной семантической диверсификацией нормативности и дескриптивности научного дискурса политической легитимации в современных политологических исследованиях? Связана ли она с естественной динамикой и многоуровневостью *смыслового содержания* концепта «легитимность» или же это следствие эволюции политических коммуникаций, не вписывающихся в когнитивно-оценочные опции сложившихся методологических стратегий? Автор статьи склоняется к последнему. Соглашаясь в целом с теоретическими посылами о необходимости поиска предметной специфики исследований политической легитимности, ее оснований и объектов, более значимым для ответа на подобные вопросы автору представляется *поиск базовой морфологии современных политико-культурных исследований феномена политической легитимности*.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ

Исследование морфологии дискурса политической легитимации позволяет углубить понимание и классификацию эволюционных форм легитимации на основе артикуляции семантических структур и возникающих на их базе теоретических моделей. Реализация подобной методологической установки, пока еще достаточно фрагментарно представленной в современных стратегиях изучения политической легитимации, на наш взгляд, остается теоретической и методологической проблемой, поскольку имеет множество теоретических лагун и предполагает уточнение ряда методологических вопросов. В чем *специфика морфологического анализа политической легитимации и ее символических репрезентаций? Как и какие дискурсивные структуры играют определяющую роль*

в научных способах интерпретации политической легитимации? Какие стратегии морфологического анализа выглядят перспективными при изучении процесса социального конструирования политической легитимации?

Морфологические исследования властных коммуникаций при всей вариативности методологических оснований так или иначе нацеливают на артикуляцию символических структур политико-культурной среды политической власти, выявляют значимые признаки сходства и различия в символических практиках политической легитимации в целях последующей их классификации². Не подвергая сомнению возможность многообразия субдисциплинарных социальных морфологий политико-культурных исследований, автор статьи разделяет методологические установки тех авторов, которые полагают, что осуществить смысловое «стягивание» при изучении политико-культурных артефактов в рамках разнообразных политологических субдисциплин возможно прежде всего на основе методологии *дискурсного* анализа, когда коммуникативные практики политической власти рассматриваются как специфический дискурс-процесс.

Социальная морфология научного дискурса³ на основе подобной «трансдисциплинарной» методологии позволяет выявить смысловые измерения (значимые признаки и параметры) «структур отношений», «конфигураций» социальных феноменов, артикулировать их «порождающие модели» посредством операции «очищения» отдельных специфических дискурсов от фактуры и исследовательских приемов, связанных с субдисциплинарными, дисциплинарными и пред-

² В трактовке политики как коммуникативного процесса автор статьи руководствуется интеллектуальными интенциями теоретической социологии, представленными в концептуальных разработках Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Н. Лумана. Отечественная традиция интерпретации политической деятельности как коммуникативного, дискурсивного процесса представлена, например, в работах М. В. Ильина, А. Ф. Филиппова. При подобном подходе политическая коммуникация не редуцируется в своих основаниях к технологической и организационной стороне или таким отдельным процессуальным звеньям, как «сообщение» и «информация». Политика в этом теоретическом контексте предстает как система, конституирующая смысл, возникающий в процессе маркирования политических феноменов как событий, а определяющим звеном коммуникативного акта является процедура понимания. Смысловое фокусирование в политике реализуется посредством такого семантического конструкта, как власть («символического посредника»), символические структуры которого обладают принуждающим потенциалом трансформировать решения в действия, без чего невозможен политический процесс достижения «общеобязывающих» целей.

³ Автор статьи разделяет понимание дискурса как логической последовательности осмысленной деятельности, проявляющейся в разворачивании смыслов, выраженных словами, знаками и значащими действиями. Социальный дискурс тем самым можно сущностно уподобить «речи», а социальную систему в ее знаковом выражении — «языку». Дискурсивность означает включенность многообразных социальных практик, в том числе и академических, в общий смысловой контекст, что позволяет обеспечить последовательное сочленение единичных смысловых элементов социальных коммуникаций, придать им смысловую целостность вне зависимости от естественной вариативности поведения отдельных акторов в тех или иных социальных пространствах. Политический дискурс, таким образом, становится средством упорядочения и эволюции политической реальности, превращая политическую действительность в общение, коммуникацию, а «дискурс-процесс» может быть представлен *концептуарием*, своего рода «словарем» (набором смыслов и символов), способами соединения понятий и символов (кодом), системной логикой коммуникативного взаимодействия акторов (см., напр.: Ильин, 2002).

метными контекстами, с тем чтобы в последующем «насытить предметностью» эти артикулированные формы, модели в процессе конкретных научных исследований. Подобные политические формы варьируются во времени и пространстве, поэтому принципиально дополнять предметный анализ символических структур политической легитимации пространственными и темпоральными характеристиками. Морфология политического дискурса позволяет артикулировать его смысловые формулы, коды и программы, которые можно назвать «памятью», и выявить тем самым потенциал политической легитимации, поскольку подобные «формулы» не только отражают то, «как осуществился некий политический процесс», но и позволяют вывить «то, что осуществилось» (Ильин, 2014, с. 60; Ильин, 2015, с. 86). Очевидно, что коммуникативный эффект практик политической легитимации в условиях современных социальных трансформаций прямо зависит от эффективности их «символического потенциала», символов и символических кодов (способов соединения символов, понятий и дискурсов), выступающих своего рода семантическими «катализаторами» социального конструирования и превращающихся тем самым в значимую область исследований процесса политической легитимации.

Отталкиваясь от подобной трактовки специфики морфологического анализа дискурсивности политической легитимации, научный дискурс политической легитимации, если он претендует на упорядочение идеальных фрагментов реальности и действительности политической власти, можно представить как сложное взаимопроникновение трех измерений, т. е. артикулировать процесс структурирования смысловых предпочтений, что позволяет представить многомерность смысловых схем процедур легитимации и более комплексно оценить их эволюционный потенциал. Перспективной представляется методологическая посылка, что смысловое стягивание в политической легитимации можно интерпретировать в трех горизонтах: предметном (идентифицировать политическую легитимацию относительно других объектов политической коммуникации, локализовать ее в политическом пространстве по отношению к иным формам социальной легитимации), социальном (как политические акторы интерпретируют легитимность своей политической позиции, политических действий и ожиданий и политическую легитимность позиций, действий, ожиданий других участников властных интеракций) и временном (как осмысливается отличие «нынешней» власти от «предшествующей» и «будущей», проявляющееся в символизации общественных перспектив и маркировании «базовых» политических событий — политического будущего власти, организационных перспектив — государственных и перспектив индивидуальной, политической жизни в их взаимообусловленности)⁴. В контексте этой теоретической посылки можно

⁴ В статье предлагаемая схема структурирования процедур политической легитимации осуществляется на основе методологической посылки, что смысловое конституирование осуществляется в *предметном, социальном и временном горизонте*. Под горизонтом следует понимать рамки, границы, посредством которых можно «наблюдать идентичное». Обоснование этой методологической позиции, несмотря на методологическую вариативность теоретической аргументации, достаточно обстоятельно представлено в современной социологии. При этом темпоральный горизонт для концептуализации социокультурных процессов рассматривается

семантически реконструировать и содержательно интерпретировать сложную динамику дискурсов политической легитимации. Изучение политической легитимации тем самым должно быть «чувствительным» не только к фиксации и описанию политических ценностных ориентаций, политических идентичностей или частных практик легитимации политического доминирования, но и к формам и процедурам подобного семантического маркирования коммуникативных взаимодействий, в символических границах которых все это существует.

На основе подобных общих методологических установок можно получить некоторые теоретические следствия, значимые, на мой взгляд, для морфологического анализа дискурса *политической легитимации*, описания и прогнозирования способов и форм его дальнейшей семантической эволюции. В контексте обозначенных выше методологических экспликаций о трех смысловых измерениях коммуникативного процесса, возможно, прояснятся причины теоретической ограниченности существующих академических дискурсов политической легитимации.

Описываемое исследователями *предметное, социальное и темпоральное пространство* феномена политической легитимации тяготеет к ценностно-нормативной семантике, даже если это сопровождается ремарками о необходимости учета специфики политических коммуникаций по отношению к иным ее типам. Подобная морфология дискурса политической легитимации характерна для *сторонников* как нормативно-этических способов обоснования политического доминирования, так и позитивистско-инструменталистских. В реалиях современных политических коммуникаций в силу очевидного кризиса политико-правовых и политико-нравственных обоснований, отсылающих к трансцендентным основаниям или логико-аксиологическим принципам права, эти отсылки хотя и сигнализируют нам о политических проблемах и возможностях, но не способны учитывать политико-культурное многообразие гибридных политических режимов. Ценности, ценностные обоснования в процессе современных коммуникаций — своего рода «слепые пятна» (Луман, 1991, с. 206), которые побуждают политических акторов к поиску символов согласия («схем согласия») на основе разграничения политических ценностей и антиценностей («политического цинизма»), но сами по себе не являются основанием структурирования политических коммуникаций в современном обществе. Любая включенная в глобальные информационные сети современная система политических коммуникаций может произвести и принять извне «множество» смыслов, что обуславливает высокую степень автономии ценностно-нормативных способов обоснований политических решений.

Рассуждения о ценностях не означают, что акторы властных коммуникаций руководствуются ими. В современной политической системе ценностные леги-

определяющим. Подобная методологическая посылка, по мнению автора, позволяет более обоснованно систематизировать теоретические проблемы, вскрыть их гносеологическую природу и решить проблему «конфликта интерпретаций», возникающих при концептуализации политических и политико-культурных феноменов, в частности. См., напр.: (Луман, 2001, с. 116–125; Луман, 2004, с. 57; Бурдье, 2007, с. 245–247).

тимации в процессе принятия политических решений не обосновываются в духе этики кантианства или универсальной толерантности (см.: Гуторов, 2011; Гуторов, 2012б), а скорее рассматриваются как производные от «общественного мнения», «цивилизованного сообщества» или выводятся, как у Ю.Хабермаса, из консенсуса без принуждения. При этом остаются без ответа вопросы, которые возникают в процессе реализации политических решений. Это означает, что либеральные теоретики не чувствительны к подобного рода динамике, исходя из моноцентрических ценностных посылок «квазигуманистического» проекта автономной личности, свидетельством чего служит бессилие политических элит сохранить и возродить значимость фиктивно-метафизической концепции либерализма (см.: Гуторов, Варламов, 2014).

Методологически ослабляя посылки об имперсонализме и радикальной степени автономии коммуникативных пространств Н.Лумана, автор статьи соглашается с его интенциями, что ценности в конечном счете отражают отсутствие устойчивой политической идентичности, что аксиология легитимности современной политической системы является нечем иным, как превращением «отсутствующего в присутствующее в виде ценностей». Легитимность власти, таким образом, выступает способом самоописания политических решений, принимаемых в рамках той или иной политической системы, способом, посредством которого политическая система может «постоянно убедительно и непротиворечиво говорить о самой себе» (см.: Luhmann, 2004; King, Thornhill, 2003). При этом, строго говоря, процесс политической легитимации характерен для «современных обществ», когда политическая система и коммуникации приобрели высокую степень автономии, не нуждаясь, в сущности, при принятии политических решений в отсылках ко «всеобщему благу» или «справедливости». Легитимность — это символический ресурс, который зарождается в таких политических системах и не локализуется устойчиво в конкретных политических институтах или политических элитах. Легитимность политической системы, таким образом, — форма, в которой политическая система может последовательно и убедительно говорить о себе самой, что делает ее в современных политических реалиях переменным семантическим ресурсом, который нельзя описывать в неизменных ценностно-нормативных категориях. В принципе это вынуждает к описанию политической легитимности посредством динамичных символических конфигураций.

Из этого не следует, что политические системы в одинаковой степени будут иметь одинаковые шансы обретения и сохранения легитимности. Это зависит от того, насколько политическая система надежно отображает свои политические границы, эффективно дифференцирует себя «внутри» и в других системах. Система, которая не может поддерживать собственную идентичность и различия по отношению к другим системам, утрачивает потенциал политической адаптации, осязаемо обнаруживает риски для политической легитимации. Легитимность политической системы проявляется в готовности ее политических коммуникаций успешно идентифицировать политическое через комплексное политическое образование (см.: Гуторов, 2015), выработку установки на «воз-

возможности» для политического обучения, «правдоподобность» обоснования права на политический суверенитет и специфическую политическую антропологию.

Как отмечалось выше, темпоральная морфология политической легитимности в рамках дискурсивного анализа позволяет артикулировать коды и программы темпоральной «памяти» власти. Время при этом понимается как специфическое культурное «измерение смысла», способ символического оформления событий политической коммуникации, когда символическое выступает как «архивированная» презентация множества таких событий. Такого рода политическая память необходима для повторения, когда ситуация распознается как повторение другой ситуации, без чего невозможна пролонгация коммуникативного процесса. Память проявляется в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» (Луман, 2005, с. 104; Луман, 2007, с. 110). «Политическая память» в таком случае — не столько сохранение прошлых политических идентичностей, сколько процесс накопления знаний из *прошлого* для их использования в последующем, постижение нового через реактуализацию прошлого и возможного политического будущего, что, в свою очередь, символически структурирует ожидания в предметном, социальном и временном горизонте. Знания в символических горизонтах политической легитимации, структурированные в политические ожидания, выступают порождающими моделями политических событий и политической солидарности (событийные модели политической ответственности), обеспечивающими синхронизацию властных коммуникаций (личностных, корпоративных, государственных), превращая решения политических акторов в публичную политику.

В анализе семантики дискурса политической легитимации, на наш взгляд, особый интерес представляют суждения исследователей по поводу символизации базовых «событий» политической власти (специфических для любой политической системы), которые образуют темпоральные фигуры власти (фиксируя временные горизонты, границы эволюции, динамику политических идентичностей), которые являются важнейшим символическим ресурсом «распознавания» политической легитимности режима. Политическая специфика подобных символических структур, учреждающих политическое время в той или иной политической системе, проявляется в том, что они налагают ограничения на применение принуждения и *физического насилия*, оправданность его использования в практике реализации политических решений, напоминают о рисках использования физического принуждения участникам политических коммуникаций (Луман, 2005, с. 220–224; Филиппов, 2002а; Филиппов, 2002б). Это порождает насущную потребность в классификации легитимности политических систем не в соответствии с гипотетическим доминированием тех или иных ценностных моделей социальной иерархии (демократических, авторитарных, квазидемократических; см.: Dogan, 2002), а в соответствии с потенциалом солидарности таких смысловых комплексов на основе темпорального маркирования базовых политических событий (в частности, революций и войн, обретения национального суверенитета и т. п.).

Перспективными для реализации методологической установки на конкретизацию исследований многослойности форм политической памяти выглядят социологические модели качественного анализа частных случаев *работы памяти*, в которых предложены способы исследования темпоральных «фигураций» политической легитимации как меняющихся соотношений в символической репрезентации прошлого и настоящего. Подобные фигурации описываются посредством эмпирического анализа процесса символической борьбы «памятей» и «за память» в социальных полях, средств передачи памяти, жанров и профилей социальной памяти для обоснования прошлого («почему так») и будущего («как это будет») (Olick, 2010, p. 158–159; Олик, 2012).

Таким образом, актуализация исследований морфологии научного дискурса политической легитимности посредством артикуляции его семантических горизонтов, символических фигур и кодов, отражающих содержание и эволюцию политических коммуникаций, где решающую роль играют темпоральные «рамки», режимы политической памяти, не только позволяет использовать более традиционные способы описания этого феномена, но и привнести новые измерения в содержательный анализ политической легитимации. Политическая легитимация как обоснование, описание, символизация политических решений посредством различения их на «легитимные» и «нелегитимные» виды, создавая идентичность политической системы, обеспечивает пролонгацию процесса трансформации авторитета и социальных видов власти в политическую власть. Очевидно, что категориальный аппарат морфологических исследований политической легитимации в реалиях современных политических коммуникаций при отсутствии отчетливости в контурах новой политической антропологии перманентно будет нуждаться в обосновании и операционализации, но существующий уровень разработанности стратегий дискурсивного анализа политических коммуникаций и трагические последствия современного кризиса политической легитимности позволяют надеяться на интенсификацию подобного процесса.

Литература

- Бурдые П. Производство веры. Вклад в экономику символических благ // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С. 245–247.
- Гуторов В. А. Наследие И. Канта в структуре современной политической философии // Управленческое консультирование. 2011. № 1 (41). С. 218–227.
- Гуторов В. А. К вопросу об эволюции веберовской концепции социализма в политическом и научном дискурсах XX в. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012а. Т. 8, № 1. С. 5–17.
- Гуторов В. А. Толерантность как универсальный ценностный фактор мировой политики? // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012б. № 3. С. 46–51.
- Гуторов В. А. К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // Полис. Политические исследования. 2014а. № 3. С. 91–110.
- Гуторов В. А. Теория демократии как историческая проблема: к постановке вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2014б. № 4. С. 114–126.
- Гуторов В. А. Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 9–29.

Гуторов В. А., Варламов А. Г. К вопросу о значении британской правовой традиции в политическом дискурсе США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2014. № 1. С. 80–91.

Ильин М. В. Между вещами и смыслами: основания концепт-анализа // Принципы и направления политических исследований. М.: РОССПЭН, 2002. С. 161–183.

Ильин М. В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // Полития. 2014. № 4 (75). С. 158–170.

Ильин М. В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // Полития. 2015. № 1 (76). С. 82–102.

Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИОЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 206.

Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.

Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.

Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. 256 с.

Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с.

Олик Д. Фигурации памяти: процессореляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–75.

Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть 1-я) // Полития. 2002а. № 1. URL: <http://politeia.ru/content/avtorskij-ukazatel/filippov-a.f./> (дата обращения: 05.11.2016).

Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть 2-я) // Полития. 2002б. № 2. URL: <http://politeia.ru/content/avtorskij-ukazatel/filippov-a.f./> (дата обращения: 05.11.2016).

Филиппов А. Ф. Триггеры абсолютных событий // ЛОГОС. 2006. № 5 (56) С. 104–117.

Beetham D. The Legitimation of Power. New York: PALGRAVE, 1991. 267 p.

Bekkers V., Edwards A. Legitimacy and Democracy: A Conceptual Framework for Assessing Governance Practices // Governance and the Democratic: Deficit Assessing the Democratic Legitimacy of Governance Practices. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 35–60.

Dogan M. Conceptions of legitimacy // Encyclopedia of government and politics. Vol. I. Political science. London, New York: Routledge, 2002. P. 116–126.

Hardin R. Compliance, Consent, and Legitimacy // The Oxford handbook of comparative politics / ed. by C. Boix and S. C. Stokes. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. P. 236–255.

King M., Thornhill C. Niklas Luhmann's theory of politics and law. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 266 p.

Luhmann N. Law As a Social System. New York: Oxford University Press, 2004. 498 p.

Morris C. State Legitimacy and Social Order // Political Legitimization without Morality / ed. J. Kuhnelt. Heidelberg: Springer Science; Business Media B. V., 2008. P. 15–32.

Olick J. K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / eds. A. Erll and A. Nünning, in collaboration with Sara B. Young. Berlin; New York: Gmb&Co. KG, 2010. P. 151–162.

Завершинский Константин Федорович — доктор политических наук;
zavershinskiy200@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 1 декабря 2016 г.;
рекомендована в печать: 10 февраля 2017 г.

Для цитирования: Завершинский К. Ф. Легитимация политической власти: морфология научного дискурса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 4. С. 4–18.

LEGITIMATION OF POLITICAL POWER: MORPHOLOGY OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Konstantin F. Zavershinskiy

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaja nab., St. Petersburg, 199034, Russia; zavershinskiy200@mail.ru

The author discusses a significance of concepts of political legitimation in the analysis of political power as carried out in both applied and theoretical studies of current political communications. Drawing on a history of methodological and theoretical debates in political science, the author examines methodological issues of studying morphology of political legitimation discourses as a symbolic representation of socio-cultural specifics of temporal dimensions of a contemporary political communications. The author emphasizes an importance of describing and theoretically analyzing a role of political legitimation and symbols present in political communications in contemporary societies and point out that analysis of political legitimation as a symbiotic mechanism (or as a source of reproducing and delineating power decisions) closely connected with symbolic practices of coercion highlights a role of legitimation in variability of political communications processes. The author argues that a focus on political legitimation as a historically specific form of political memory allows one to examine differences in models of political power within structures and practices of political communications. Using a morphological oriented political analysis as a theoretical basis, the author suggest a new theoretical approach to a study of contemporary political legitimation and argue for a need to develop new strategies of research of political communications in sociology and political science.

Keywords: political power, morphological dimensions, political discourse, political legitimation, political memory, political communications, symbolic representations.

References

- Beetham D. *The Legitimation of Power*. New York, PALGRAVE, 1991. 267 p.
- Bekkers V., Edwards A. Legitimacy and Democracy: A Conceptual Framework for Assessing Governance Practices. *Governance and the Democratic: Deficit Assessing the Democratic Legitimacy of Governance Practices*. Aldershot, Ashgate, 2007, pp. 35–60.
- Bourdieu P. [The production of faith. Contribution to the economy of symbolic goods]. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki [Social space: fields and practices]*. Moscow, Institute of Experimental Sociology, 2007, pp. 245–247. (In Russian)
- Dogan M. Conceptions of legitimacy. *Encyclopedia of government and politics*. Vol. I. Political science. London, New York, Routledge, 2002, pp. 116–126.
- Filippov A. F. Politicheskaja sotsiologija. Fundamental'nye problemy i osnovnye poniatija (chast' 1-ia) [Political Sociology. Fundamental problems and basic concepts (part 1)]. *Politiia*, 2002a, no. 1. Available at: <http://politeia.ru/content/avtorskij-ukazatel/filippov-a-f/> (accessed: 05.11.2016) (In Russian)
- Filippov A. F. Politicheskaja sotsiologija. Fundamental'nye problemy i osnovnye poniatija (chast' 2-ia) [Political Sociology. Fundamental problems and basic concepts (part 2)]. *Politiia*, 2002b, no. 2. Available at: <http://politeia.ru/content/avtorskij-ukazatel/filippov-a-f/> (accessed: 05.11.2016) (In Russian)
- Filippov A. F. Triggery absolutnykh sobytii [Triggers of absolute events]. *LOGOS*, 2006, no. 5 (56), pp. 104–117. (In Russian)
- Gutorov V. A. K voprosu o proiskhozhdenii gosudarstva: paradoksy i anomalii sovremennykh interpretatsii [To the question of the origin of state: Paradoxes and anomalies of modern interpretations]. *Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political studies]*, 2014a, no. 3, pp. 91–110. (In Russian)
- Gutorov V. A. K voprosu ob evoliutsii veberovskoi kontseptsii sotsializma v politicheskom i nauchnom diskursakh XX v. [To the question of evolution of the Weber's conception of socialism in

the political and scientific discourses of XXth century]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political Expertise. POLITEX]*, 2012a, vol. 8, no. 1, pp. 5–17. (In Russian)

Gutorov V.A. Nasledie I. Kanta v strukture sovremennoi politicheskoi filosofii [The Heritage of I. Kant in the structure of the modern political philosophy]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [The Management Consulting]*, 2011, no. 1 (41), pp. 218–227. (In Russian)

Gutorov V.A. Politika i obrazovanie: istoricheskaya traditsiya i sovremennyye transformatsii [Politics and education: historical tradition and modern transformations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]*, 2015, no. 1, pp. 9–29. (In Russian)

Gutorov V.A. Teoriya demokratii kak istoricheskaya problema: k postanovke voprosa [Theory of democracy as a historical problem: to the formulation of the question]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International relations*, 2014b, no. 4, pp. 114–126. (In Russian)

Gutorov V.A. Tolerantnost' kak universal'nyi tsennostnyi faktor mirovoi politiki? [Tolerance as an evaluative factor of the international policy?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. "Politicheskie nauki" [Vestnik Moscow University. Ser. 6. Political science. International relations]*, 2012, no. 3, pp. 46–51. (In Russian)

Gutorov V.A., Varlamov A.G. K voprosu o znachenii britanskoi pravovoi traditsii v politicheskom disкурсе SShA [To the question of meaning of the British constitutional tradition in the USA's political discourse]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International relations*, 2014, no. 1, pp. 80–91. (In Russian)

Hardin R. Compliance, Consent, and Legitimacy. *The Oxford handbook of comparative politics*. Eds. Charles Boix and Susan C. Stokes. Oxford New York, Oxford University Press, 2007, pp. 236–255.

Ilyin M.V. [Between things and meanings: Grounds concept analysis]. *Printsiipy i napravleniya politicheskikh issledovaniy [Principles and directions of Political Studies]*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002, pp. 161–183. (In Russian)

Ilyin M.V. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i tsivilizatsionnykh prostranstvakh (I) [Alternative political forms in historical time and civilizational spaces (I)]. *Politiya*, 2014, no. 4 (75), pp. 158–170. (In Russian)

Ilyin M.V. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i tsivilizatsionnykh prostranstvakh (II) [Alternative political forms in historical time and civilizational spaces (II)]. *Politiya*, 2015, no. 1 (76), pp. 82–102. (In Russian)

King M., Thornhill C. *Niklas Luhmann's theory of politics and law*. New York, PALGRAVE MACMILLAN, 2003. 266 p.

Luhman N. *Law As a Social System*. New York, Oxford University Press, 2004. 498 p.

Luman N. [Tautology and the paradox of modern society self-description]. *Socio-LOGO*. Moscow, Progress Publ., 1991, p. 206. (In Russian)

Luman N. *Evolutsiya [Evolution]*. Moscow, Logos Publ., 2005. 256 p. (In Russian)

Luman N. *Vvedenie v sistemnuyu teoriyu [Introduction to the systems theory]*. Moscow, Logos Publ., 2007. 360 p. (In Russian)

Luman N. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema [Society as a social system]*. Moscow, Logos Publ., 2004. 232 p. (In Russian)

Luman N. *Vlast' [Power]*. Moscow, Praxis Publ., 2001. 256 p. (In Russian)

Morris C. State Legitimacy and Social Order. *Political Legitimization without Morality*. Ed. by J. Kuhnelt. Heidelberg, Springer Science+Business Media B.V., 2008, pp. 15–32.

Olick J.K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Eds. Astrid Erll and Ansgar Nünning, in collaboration with Sara B. Young. Berlin, New York, Gmb&Co. KG, 2010.

Olik J. Figuratsii pamiati: protsessoreliatsionnaya metodologiya, illiustriremaya na primere Germanii [Figurations memory process-relational methodology illustrated in the example of Germany]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 2012, vol. 11, no. 1, pp. 40–75. (In Russian)

For citation: Zavershinskiy K.F. Legitimation of Political Power: Morphology of Scientific Discourse. *Political Expertise: POLITEX*. 2016, vol. 12, no. 4, pp. 4–18.